А. Лиорэн

КВАРТИРА, КОТОРОЙ НЕТ НА ПЛАНЕ

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

12+

А. Лиорэн

Квартира, которой нет на плане

https://litres.ru/74787823
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера, сотрудница городского архива, приходит к соседке своей матери со старым планом дома — и обнаруживает вместо двери ровную стену. Нина Сергеевна отвечает по телефону: она дома, за этой стеной. Войти к ней можно. Выйти она не может: каждый шаг через порог возвращает её в прихожую.

Вскоре выясняется, что Нину перестали узнавать даже близкие. В телефоне дочери сохранились фотографии и переписка, но слово «мама» больше ничего ей не говорит. Пока Вера ищет ошибку в старых чертежах, в доме исчезает ещё одна дверь.

Камерная мистическая повесть о людях, которых вычеркнули из плана дома, и о связи, которая держится даже тогда, когда память подводит.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

А. Лиорэн
Квартира, которой нет на плане

Глава 1
Справа от щитка

Пятница

Двери восемнадцатой квартиры не было.

Вера посмотрела на номер семнадцатой, потом на фотографию в телефоне. На снимке была тёмная дверь с латунными цифрами. Восьмёрка висела чуть ниже единицы. Слева — электрический щиток с наклейкой «Не влезай».

Щиток был на месте. Справа от него тянулись новые обои с мелкими белыми листьями.

Она отступила к перилам, чтобы сравнить площадку целиком. На фотографии виднелся край ступени, выщербленный у самого косяка. Ступень тоже нашлась.

На четвёртом этаже пахло клеем и жареным луком. Дверь семнадцатой была приоткрыта на цепочку, из щели доносил-

ся телевизор.

Фотографию Нина Белова прислала во вторник. Просила найти старый план дома: в какой-то ведомости её квартиру объединили с соседней. Мать дала ей электронный адрес Веры, объяснив, что дочь работает в городском архиве. Вера обещала зайти: всё равно собиралась к матери, которая полтора года назад переехала в этот дом.

Сегодня была пятница. За три дня дверь могли заложить. Но зачем тогда Белова полчаса назад ответила, что ждёт?

Вера набрала её номер.

За стеной заиграла мелодия — несколько одинаковых нот, повторённых дважды. Потом оборвалась.

— Вы где? — спросила женщина.

— Возле щитка. Я не понимаю, куда идти. Здесь двери нет.

— Ниже смотрите.

Вера опустила глаза. Старый коричневый плинтус был весь в белых брызгах. Над полом темнела щель.

— Вижу только плинтус.

— Не настолько ниже. Ручка у меня низко. Муж ставил.

— Нина Сергеевна, вы можете открыть?

В трубке что-то зашуршало. По ту сторону стены раздался скрежет.

— Повернула. Толкайте.

Вера приложила ладонь к обоям. Под прохладной бумагой чувствовалось твёрдое основание.

— Здесь всё зашито.

— Правее рукой. Ещё.

Под мизинцем обнаружился металлический край.

Вера провела рукой обратно. Из стены выступала ручка — потёртая, с каплей засохшей краски у основания. Она была настолько заметной, что пропустить её при первом взгляде казалось невозможным.

— Нашли?

— Да.

— Нажимайте. Открыто уже.

Полоса стены с белыми листьями подалась внутрь. Стал виден деревянный косяк. Обоями было оклеено дверное полотно; ещё секунду назад Вера не различала ни одного его края.

За дверью стояла невысокая женщина в сером кардигане. Одной рукой придерживала створку, в другой сжимала телефон.

— Вы дочь Галины Викторовны?

— Да. Вера.

— Проходите. Осторожно, тут ложка.

На линолеуме возле порога действительно лежала столовая ложка. Вера переступила через неё и остановилась, не выпуская из руки свой телефон. Разговор ещё продолжался; из обоих аппаратов доносилось тихое шуршание. Она нажала отбой.

— Я стучала, — объяснила Нина Сергеевна. — Зина была

за дверью, я слышала. Потом телевизор выключила, а ко мне не подошла.

Вера подняла ложку.

— Куда положить?

— Давайте сюда. Вы обувь не снимайте.

В прихожей стояла швейная машинка на тумбе. На её крышке лежали газеты, коробка с катушками и очки. Нина Сергеевна положила туда телефон, а поверх очков — ложку. Дальше была видна кухня: пустая хлебница, чашка на подоконнике, открытая форточка. Штора цеплялась за ручку рамы и освобождалась, когда ветер тянул её обратно.

Вера посмотрела на дверь. Изнутри она была обита коричневым дерматином. У нижней петли торчал клок ваты.

— У вас снаружи обои на двери.

— Знаю.

— Зачем?

— Сказали, временно. Позавчера клеили.

— А вы соглашались?

— Я соглашалась, чтобы мне откосы доделали. Всю зиму дуло. А что они там снаружи наклеили, я откуда знала?

Нина Сергеевна проследила за её взглядом.

— Подержите дверь, пожалуйста. Я попробую выйти.

Вера потянула створку к стене. Дверь открывалась свободно, только в конце хода нижний край задевал линолеум.

— Она не заклинила.

— Сейчас нет.

— А раньше?

— В среду Глеб Аркадьевич попросил закрыть, чтобы рабочим не мешалась. Я щёлкнула замком, ушла на кухню. Они ещё там скребли долго. Вчера он сам пришёл, открыл. Пакет поставил, сказал, проём поведён, одной не дёргать. Я и не дёргала. Сегодня хлеб закончился — открыла.

Она провела ладонью по волосам над ухом. Там торчали две невидимки, одна поверх другой.

— И что случилось?

— Не могу выйти.

Проход был пуст. От машинки до площадки — три шага, если не считать порог.

Вера не знала, как спросить, не обидев женщину.

— Голова кружится?

— Нет.

— Давайте я помогу.

Она придержала дверь и вышла на площадку. Нина Сергеевна осталась у тумбы.

— Идите. Здесь ничего не мешает.

— Только вы смотрите на меня.

— Смотрю.

Женщина поправила кардиган и подошла к порогу. Поставила ногу на плитку.

За спиной Веры хлопнула дверь семнадцатой квартиры. Она обернулась на звук.

— Ну вот, — сказала Нина Сергеевна.

Она стояла возле машинки. Обеими ногами на линолеуме.

Вера посмотрела на пустую плитку перед собой.

— Вы вернулись?

— Вы же смотрели.

— Я на секунду отвернулась.

Нина Сергеевна потянула манжету на ладонь и сжала ткань.

— Поэтому и попросила.

Вера заглянула за створку. Там висела тряпка на крючке. Обойти дверь с той стороны было невозможно.

— Можно я сниму? — Вера подняла телефон. — И сама буду смотреть.

— Снимайте. Только скажите, когда идти.

Вера включила запись и опустила телефон чуть ниже лица. На экране помещались порог, тумба и часть кухни.

— Теперь.

Нина Сергеевна приблизилась. Вера следила за её лицом, за невидимкой у виска. Женщина шагнула к ней.

И оказалась у машинки.

Движения назад не было. Вера видела лицо перед собой, а затем — то же лицо в полутора метрах, за открытой дверью. Не сумела заметить ни поворота, ни отступившей ноги.

На лестнице внизу звякнули бутылки. Кто-то выругался, переставляя пакет из руки в руку.

Вера взялась за перила.

— Сняли? — спросила Нина Сергеевна.

Вера не сразу нашла кнопку остановки. Запись длилась одиннадцать секунд. Она промотала к середине, несколько раз провела пальцем по полоске внизу.

Вот женщина возле порога. Вот опять у тумбы. Штора на кухне продолжала двигаться от сквозняка. Изображение не гасло, звук шагов не прерывался.

Вера запустила запись ещё раз.

— Там есть? — спросила Нина Сергеевна.

— Есть.

— Покажите.

Вера вошла и повернула к ней экран. Они посмотрели вместе. Нина Сергеевна вынула очки из-под ложки, надела, попросила повторить.

— А я этого не вижу, — сказала она. — Иду, и опять здесь. Думала, может, зацепляюсь. Уже коврик убрала.

За ножкой машинки лежал свёрнутый полосатый коврик. На линолеуме осталось чистое прямоугольное место.

Вера сохранила запись и положила телефон на тумбу, рядом с аппаратом Нины Сергеевны. Наклонилась к порогу, но женщина взяла её за рукав.

— Вы меня за руку возьмите. Может, с вами получится.

Ладонь у неё была сухая, тёплая. На среднем пальце виднелся старый след от иглы. Вера обхватила её запястье второй рукой.

— Потихоньку. Я назад пойду.

Она отступила на площадку, чувствуя, как пальцы Нины

Сергеевны сжимают её ладонь.

Потом чужой руки не стало.

Вера качнулась и упёрлась пяткой в край ступени. Женщина стояла внутри, возле машинки, и растирала запястье.

— Больно?

— Немного. Не тяните больше.

Вера вернулась в квартиру.

— Не буду. Сядьте, пожалуйста.

— На кухне табурет.

Вера принесла табурет в прихожую. Нина Сергеевна села, поправила очки и посмотрела на свои руки. Вера взяла с тумбы свой телефон. Пальцы дрожали; пришлось придерживать его обеими руками.

— Балкон есть? Или к соседям проход?

— Балкона нет. В окно не полезу.

— Не надо. Я не предлагаю.

— Глеб обещал в понедельник прийти. Сегодня телефон выключил. В аварийную я звонила — они его номер дали. Он тут всеми работами занимается.

— Я сейчас вызову помощь.

Вера набрала номер экстренной службы. Назвала адрес: Речная, восемь, четвёртый этаж, квартира восемнадцать. Пожилая женщина не может выйти.

Её спросили про дверь.

— Открыта. Да, я вошла. Нет, женщина не упала.

Вера посмотрела на Нину Сергеевну. Та сидела ровно, по-

ложив ладони на колени.

— Она ходит сама. Мы пробовали вместе. Я вышла, а она осталась внутри. Я понимаю, как это звучит. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь. Я здесь, я всё покажу.

Пришлось ещё раз назвать адрес и свой номер. Вера достала из сумки распечатанное письмо и ручку, записала на обороте время звонка. Её спросили, сможет ли кто-нибудь встретить помощь у подъезда.

— Да. Я попрошу мать. Она в этом доме живёт.

Нина Сергеевна дождалась, пока Вера отключится.

— Кого пришлют?

— Пока не знаю. Адрес записали.

Вера позвонила матери.

— Мам, ты дома?

— В магазине. Тебе что-нибудь взять?

— Я у Нины Сергеевны Беловой. Ты ей мой адрес давала.

— У кого?

— Восемнадцатая квартира. На четвёртом.

В трубке стучали колёсики тележки.

— Вер, я не помню. Ты фотографию пришли.

— Она рядом с Зиной живёт. Мам, здесь нужна помощь. Я вызвала, надо у подъезда встретить. Ты скоро?

— Что случилось?

— По телефону не объясню. Женщина не может выйти из квартиры.

— А ты как вошла?

— Мам. Пожалуйста. Я не хочу её одну оставлять.

Колёсики перестали стучать.

— Сейчас оплачу и приду. Что им сказать?

— Я тебе напишу.

Вера написала матери, что сообщила при вызове, и попросила встретить помощь у подъезда. Мать ответила: «Поняла».

— Тоже? — спросила Нина Сергеевна.

— Что?

— Не помнит меня?

Вера убрала ручку в сумку.

— Она на кассе. Могла не расслышать.

— Я ей зимой пальто переделывала. Синее. Низ подшила, рукава надставила.

Вера помнила пальто. Мать показывала ей манжеты и заставляла искать место, где добавлена ткань. Вера тогда спешила; посмотрела, похвалила и спросила, где квитанции, ради которых приехала.

Вера перевернула распечатку письма.

— Это она посоветовала вам написать в архив?

— Да. Я же указала. В самом начале.

В первой строке было: «Ваш адрес дала Галина Викторовна, наша соседка». Вера сложила лист и убрала в сумку.

Нина Сергеевна потянулась за телефоном на тумбе, но не достала. Вера подала его.

— Дочке позвоните. Со своего. А то мой номер она уже

не берёт.

На экране было имя «Аня», под ним — семь исходящих вызовов за утро.

— Что она говорит?

— Что я ошиблась.

— Номером?

— Да. Два раза сказала. Потом брать перестала. Я подумала, телефон потеряла, кто-то нашёл. Но голос её.

Вера переписала номер и вернула аппарат. Нина Сергеевна положила его на колени экраном вверх.

Пока шли гудки, Вера смотрела через кухню во двор. Мужчина в оранжевом жилете волок ветку мимо припаркованной машины. Ветка зацепилась. Он остановился, освободил её и понёс дальше.

— Да? — ответила Аня.

— Здравствуйте. Меня зовут Вера Ланская. Я сейчас у Нины Сергеевны Беловой, на Речной, восемь. Ей нужна помощь.

— Что с ней?

— Она не может выйти из квартиры. Я уже позвонила, сюда должны приехать.

— А почему вы звоните мне?

Вера посмотрела на Нину Сергеевну. Та подняла голову.

— Она дала ваш номер. Сказала, что вы её дочь.

— Мне эта женщина с утра звонит. Я объяснила, что она ошиблась.

— Ваш контакт у неё подписан «Аня».

— Меня так зовут. Но я её не знаю.

Нина Сергеевна протянула руку. Вера включила громкую связь и опустила телефон так, чтобы им обеим было слышно.

— Ань, это я. У тебя в морозилке контейнер с синей крышкой. Я пельмени в воскресенье привозила. Ты ещё сказала, что пересолила.

Аня не ответила.

— Посмотри, — сказала Нина Сергеевна. — Там ещё половина должна быть.

— Откуда вы знаете?

— Я же сама привезла. Ты с работы пришла, мы их сварили. Я свою крышку у тебя оставила.

В трубке послышалось короткое шуршание.

— Тот номер, с которого вы звонили утром… Он у меня записан как «мама».

— Ну так это я.

— Я вижу, что написано.

— Ань?

— Подождите. Я сама перезвоню. Мне надо… Я сейчас.

Связь оборвалась.

Нина Сергеевна продолжала смотреть на телефон в руках Веры.

— Перезвоните. Скажите, пусть контейнер посмотрит.

— Она слышала.

— Крышка синяя. Не белая. Она, может, другой откроет.

Вера написала Ане адрес и попросила приехать или перезвонить. Отправив сообщение, положила телефон на тумбу и включила звук на полную громкость.

Нина Сергеевна посмотрела на открытую дверь.

— Вы сейчас уйдёте?

— Нет. Подождём вместе.

Вера сняла пальто и повесила на свободный крючок. Из-под распечатки в сумке торчал сложенный план, ради которого она пришла. Она убрала его глубже и застегнула молнию.

На кухне нашёлся ещё один табурет. Вера принесла его к порогу и поставила так, чтобы створка не могла закрыться. Села рядом с Ниной Сергеевной.

Через минуту зазвонил телефон на тумбе. Женщина сразу выпрямилась.

На экране было написано «Мама».

Вера взяла трубку.

Глава 2
Открытый проём

Пятница

— Мы поднимаемся, — сказала мать. — Ты выйди, покажи.

Вера убрала телефон. Нина Сергеевна всё ещё смотрела на неё.

— Мама встретила спасателей.

— А. Хорошо.

Нина Сергеевна опустила глаза на свой аппарат. Вера вышла на площадку, придерживая ногой табурет, чтобы дверь не сдвинулась. Снизу доносились шаги и стук чего-то твёрдого о перила.

Первой показалась мать. На ней было синее пальто с надставленными рукавами. Она придерживала борт ладонью: пуговица опять расстегнулась. Следом шли двое мужчин с сумкой и плоским ящиком.

— Вот здесь, — сказала Вера. — Справа от щитка.

Мать остановилась перед проёмом, заглянула внутрь.

— Здравствуйте. Я Галина, с третьего этажа.

— Я вижу, — ответила Нина Сергеевна.

Галина переступила порог и прошла к машинке, освобождая вход. Взялась за расстёгнутую пуговицу, но так и не застегнула.

Спасатель с ящиком остался на площадке. Второй вошёл, представился Сергеем и спросил, кто звонил. Вера подняла руку, словно её могли не заметить в тесной прихожей.

— Я. Дверь открыта, она сама открывается. Но когда Нина Сергеевна выходит… Я сняла.

— Подождите. Здесь кто-то ещё есть?

— Нет, — сказала хозяйка. — Я одна живу.

Он посмотрел в кухню, потом на дверь и на порог.

— Что пробовали?

Вера рассказала. На словах «снова оказалась в прихожей» он перевёл взгляд на Нину Сергеевну, но не перебил. Вера достала телефон, нашла запись.

Сергей просмотрел её, придерживая аппарат за края, чтобы не задеть экран. Вернул.

— Это сейчас было?

— До звонка. Сначала сняла, потом ещё за руку её брала. Не получилось. Запястье потом болело.

— Сейчас болит? — спросил он у Нины Сергеевны.

Та пошевелила пальцами.

— Если не трогать, нет.

Телефон Веры коротко дрогнул. Аня написала: «Еду. Минут через сорок буду». Вера показала сообщение Нине Сергеевне. Та наклонилась к экрану и прочла дважды.

— Вы ей скажите, парковаться лучше со двора. Тут у арки всё заставлено.

Вера дописала про двор. Мать потянула её за локоть.

— Скорую тоже вызвали?

— Я всё объяснила, когда звонила.

— У подъезда ещё никого не было. Я схожу посмотрю.

Она прошла между Верой и спасателем, вышла на площадку. Вера проводила её взглядом до лестницы. После каждого такого простого выхода хотелось снова позвать Нину Сергеевну: вот же, сюда, всего один шаг.

Сергей присел возле коробки, провёл ладонью вдоль косяка. Его напарник открыл ящик и пока ничего не доставал.

— Кто ремонтировал?

— Глеб Аркадьевич привёл людей, — сказала Нина Сергеевна. — Обещал щели заделать.

— Фамилия?

— Сазонов. Тут у всех его номер. Только сегодня не отвечает.

Сергей выпрямился.

— Вы давно не выходили?

— Сегодня хотела. Не вышла. А вчера не собиралась.

Она уже отвечала Вере на эти вопросы. Теперь говорила короче и после каждого ответа смотрела на инструменты в ящике.

С лестницы донёсся голос Галины. Она поднималась с женщиной в медицинской куртке, которая несла сумку на

длинном ремне. Вера отодвинулась к кухне. Фельдшер поставила сумку на освободившийся табурет, спросила у Нины Сергеевны имя и возраст. Та сняла очки и убрала их в карман кардигана.

На вопросы о боли Вера чуть не ответила сама. Нина Сергеевна уже протягивала руку.

— Вот тут. Меня тянули, но несильно.

— Это я её за руку тянула, — сказала Вера.

Фельдшер кивнула, не оборачиваясь. Попросила Нину Сергеевну показать, где именно, потом расстегнуть манжету.

Галина принесла чашку воды. Мать встретилась глазами с Верой и поставила её на тумбу, рядом с ложкой.

В прихожей стало жарко. Вера сняла шарф и сунула его в карман пальто.

Когда осмотр закончился, Сергей спросил:

— Со мной попробуете пройти? Поддержу, тянуть не буду.

Нина Сергеевна посмотрела на фельдшера, потом на Веру.

— Только не за кисть.

Он предложил ей опереться на согнутую руку. Они подошли к порогу вместе. Вера отступила к перилам.

Сергей вышел один.

Его рука осталась согнутой, ладонью вверх. Нина Сергеевна стояла возле машинки и поправляла съехавшую манжету.

— Видели? — спросила она.

Сергей посмотрел на свою руку. Напарник поднялся с корточек и остановился перед порогом.

— Ты её отпустил?

— Нет. Она рядом была.

Сергей подождал, пока тот войдёт. Напарник сделал два шага обратно; ботинки стукнули по плитке. Оба обернулись к Нине Сергеевне. Вера впервые заметила, что они тоже проверяют, смогут ли выйти.

За стеной текла вода по трубе. Вера ждала объяснения — хотя бы слова, с которого можно было бы начать. Сергей снова опустился к петлям.

— Полотно снимем, — сказал он наконец. — Посмотрим без него.

Напарник ощупал верхнюю петлю, посмотрел на зазор над дверью.

— Должна сойти.

— Ломать будете? — спросила Нина Сергеевна.

— Попробуем с петель. Коробку не трогаем.

— А обратно?

— Поставим.

Нина Сергеевна кивнула. Вера подхватила коробку с катушками, освобождая край машинки.

— Это не надо, — остановила её хозяйка. — Она им не мешает.

Вера поставила коробку обратно.

Пришлось убрать табуреты и отодвинуть свёрнутый коврик. Галина повела Нину Сергеевну в кухню, но та остановилась у входа: отсюда было видно, что делают с дверью. Вера осталась рядом.

Дверь сперва не поддавалась. Напарник Сергея что-то поправил у нижней петли. Полотно качнулось, из-под дерматина посыпалась труха. Мужчины приподняли его, подхватили снизу и вдвоём перенесли к стене прихожей. Сергей придерживал верхний край, пока напарник подсовывал под него сложенную тряпку.

По краю снятой двери оторвались новые обои; под ними показалась старая коричневая краска.

Проём стал шире. Теперь за ним целиком была видна дверь семнадцатой квартиры, её глазок и царапина возле замка. Ничего не заслоняло площадку.

Вера вышла, обернулась. Нина Сергеевна смотрела не на неё, а на снятую дверь.

— Можно, — сказал Сергей. — Держать вас?

— Нет. Я сама.

Нина Сергеевна одёрнула кардиган. Задела ногой край коврика, остановилась, отодвинула его носком к машинке. Подошла к пустому проёму.

Вера стояла напротив. По другую сторону площадки, возле перил, ждал напарник Сергея. Никто не разговаривал.

Нина Сергеевна шагнула через порог.

Вера увидела её у машинки.

Снятая дверь даже не шевельнулась. Из-под неё торчала тряпка, на которой стоял нижний край. За спиной Веры кто-то шумно выдохнул.

Нина Сергеевна опустила голову. Потом медленно подошла к кухне.

— Может, ещё раз, я с той стороны… — начал напарник.

— Нет.

Она сказала негромко, не оборачиваясь.

— Всё. Поставьте мне дверь.

Сергей поднял ладонь, останавливая напарника. Вера пошла за табуретом, но Нина Сергеевна уже села в кухне у стола. Галина подала ей чашку воды. На этот раз она взяла её обеими руками.

Дверь вернули на петли. Нижний край опять задел линолеум — тот же короткий скребущий звук, что при первом входе Веры. Она подставила табурет. Сергей проверил, не сдвинется ли он, и вышел звонить.

— Нет, проход свободный, — услышала Вера. — Мы сняли полотно. Да, полностью. Сейчас вернули.

Сергей спустился на несколько ступеней. Слушал, упершись свободной рукой в перила.

— Я находился рядом. Не падала, сознания не теряла. Опять стояла внутри.

Он произнёс это громче, чем говорил с Ниной Сергеевной. Напарник перестал укладывать инструмент.

— Пришлю запись. Но моё описание тоже передайте. Я

это видел без телефона.

Сергей отвернулся к окну. Напарник наконец закрыл ящик.

— Ваша запись сохранилась? — спросил он.

Вера кивнула.

— Не удаляйте.

Она открыла видео, проверила одиннадцать секунд на полоске времени и снова погасила экран.

На кухне фельдшер разговаривала с Ниной Сергеевной. Галина убрала хлебницу на холодильник, чтобы освободить место на столе для сумки. Женщины сидели так близко, что при повороте Нина Сергеевна задевала локтем рукав матери. Синяя манжета касалась серого кардигана. Ни одна на это не смотрела.

Сергей вернулся, спросил фамилию Сазонова ещё раз и записал номер с телефона Нины Сергеевны.

— Запись и моё описание передал. Пока не сказали, что ещё можно сделать. По работам подойдут, поговорят с вами. Мы остаёмся.

— Вы знаете, что это? — спросила Вера.

Он посмотрел на проём.

— Нет.

Вера убрала телефон в карман. От ответа стало легче дышать, хотя ничего полезного в нём не было.

Аня позвонила из подъезда.

— Здесь четвёртый этаж? Я правильно поняла?

— Да. Я встречу.

— Не надо, я уже иду.

Вера вышла на площадку. На последнем пролёте появилась женщина примерно её возраста в короткой зелёной куртке. В одной руке телефон, в другой тканевая сумка. Она задержалась, увидев ящик у стены.

— Вы Вера?

— Да. Проходите.

Аня поставила сумку возле перил и сняла с плеча ремешок маленькой сумочки. Большую оставила: проход был занят людьми. Сергей отступил, пропуская её.

— Она на кухне, — сказала Вера.

Аня переступила порог. Сначала посмотрела на машинку, потом на крючки с одеждой. Вера ждала, что хоть одна вещь остановит её взгляд. Аня только расстегнула куртку.

Нина Сергеевна поднялась из-за стола.

— Ань.

— Здравствуйте.

Аня произнесла это сразу, ещё на ходу, и остановилась. Пальцы остались на бегунке молнии.

Нина Сергеевна села обратно. Чашку отодвинула от края стола.

Галина встала, взяла медицинскую сумку за ремень и спросила фельдшера, куда её переставить. Та сама подхватила сумку. Обе вышли в прихожую. Вера собиралась вслед за ними, но Нина Сергеевна придержала её за рукав.

— Останьтесь.

Аня положила телефон на стол. Он лежал экраном вниз, и она сразу перевернула его, разблокировала.

— Я посмотрела переписку. Не только сегодняшнюю. Там с прошлого года всё есть, и раньше тоже.

— У тебя же телефон менялся, — сказала Нина Сергеевна. — Ты говорила, пропало.

— Я перенесла. Наверное. Оно здесь.

Аня открыла фотографию и повернула экран к Вере, словно та должна была решить, достаточно ли этого. На снимке они с Ниной Сергеевной сидели за столом у окна. Перед ними стояла тарелка с нарезанным пирогом. Аня держала нож, а Нина Сергеевна смеялась, отвернувшись от камеры.

Вера узнала штору и край подоконника. Стол, за которым они сейчас сидели, на фотографии был накрыт белой скатертью.

— Это здесь, — сказала Аня. — В апреле.

— На мой день рождения.

— Да. Двенадцатого.

Нина Сергеевна ждала продолжения. Аня увеличила снимок, потом уменьшила. Перешла к переписке.

— Вот я сама пишу: «Мам, я ключи на машинке оставила». И ответ…

— Я знаю, что ответила.

Аня остановила палец.

— Я не говорю, что это неправда. У меня ваш номер…

твой номер. Фотографии. Я приехала.

На последнем слове голос у неё сорвался. Она откашлялась и прижала ладонь к горлу.

Нина Сергеевна потянулась к чашке, но передумала.

— Ты на лестнице ничего не вспомнила?

— Нет.

— А здесь?

Аня оглянулась на кухонные шкафчики. На дверце под мойкой висело полотенце с выцветшими грушами.

— Не знаю. Может быть, полотенце…

— Их в каждом магазине продавали, — сказала Нина Сергеевна.

Аня положила телефон между ними.

Нина Сергеевна подалась вперёд.

— Ты когда нож взяла, помнишь, что сказала?

Аня посмотрела на погасший экран.

— Нет.

— Про пирог. Ты ещё до того, как разрезать…

— Нина Сергеевна, давайте пока уберём фотографию, — сказала Вера.

— Я у неё спрашиваю.

— Она уже ответила.

Нина Сергеевна повернулась к ней.

— Извините, — сказала Вера.

Аня заблокировала телефон. Держала его обеими руками у края стола.

Некоторое время они молчали. В прихожей Сергей говорил с кем-то о дверной коробке.

— Вам воды принести? — спросила Вера.

— У меня стоит, — сказала Нина Сергеевна.

Она посмотрела на чашку, потом на Аню.

— Ты ела?

— Не помню. Утром. Кофе.

— В холодильнике суп. Только маленькую кастрюлю не бери, там…

Нина Сергеевна замолчала. Прижала ладони к столу.

— Я сама покажу.

Она встала. Аня тоже поднялась, неловко задела коленом стол. Чашка покачнулась, Вера успела придержать её.

— Я могу погреть, — сказала Аня. — Скажи, какой.

Нина Сергеевна открыла холодильник.

— Вот этот. С синими ручками. Только мне немного.

Аня достала кастрюлю, поставила на плиту. Оглянулась, ища спички.

— Зажигалка справа. Нет, в стакане.

Пламя загорелось со второго щелчка. Аня убавила его и осталась у плиты, не снимая куртки.

— Я её не узнала, — сказала она Вере вполголоса, когда Нина Сергеевна пошла к мойке. — Думала, приеду и…

— Я слышу, — сказала Нина Сергеевна.

Аня прикусила губу.

— Прости.

Нина Сергеевна достала три тарелки. Две поставила на стол, третью держала, глядя на Веру.

— Вам тоже?

— Потом. Спасибо.

— Тогда поставьте назад. Верхняя полка.

Вера убрала тарелку и вышла из кухни.

У тумбы стоял сотрудник полиции. Он разговаривал с Сергеем и записывал что-то в небольшой блокнот. Галина указала на Веру.

— Это дочь моя. Она звонила.

Он представился Павлом Котовым и попросил рассказать, когда Вера пришла. Она назвала время приблизительно, потом достала распечатку письма и нашла на обороте отметку о вызове.

— Вот это точно. До звонка я уже была здесь.

— Вы у хозяйки работаете?

— Нет. Я из городского архива. Она попросила посмотреть план дома. В документах с её квартирой что-то напутано.

— В каких документах?

Вера вынула сложенную копию.

— Она написала, что в ведомости квартиру присоединили к соседней. Я принесла, что успела найти. Мы ещё не разобрались.

Котов посмотрел на лист, не забирая его.

— А кто ей эту ведомость показывал?

Вера собиралась ответить «Сазонов», но вспомнила: Нина Сергеевна называла его в связи с дверью. Про ведомость они ещё не говорили.

— Надо у неё спросить.

Из кухни пахнуло разогретым супом. Аня вышла с пустой чашкой. При виде нового человека остановилась, держась за дверной косяк.

— Вы дочь? — спросил Котов.

— Да.

Она ответила после небольшой паузы, но больше ничего не добавила. Поставила чашку на машинку и вернулась в кухню.

Котов подошёл к кухонному входу и спросил Нину Сергеевну, можно ли поговорить. Та велела подождать, пока она поест.

— Пять минут, — сказала она. — Я с утра не ела.

Он закрыл блокнот.

— Ань, у тебя зарядка с собой? — спросила Нина Сергеевна из кухни. — Моя до стола не достаёт.

Аня вышла, застёгивая маленькую сумочку.

— Я за пакетом. На лестнице оставила.

Она прошла мимо Веры и Галины. На площадке присела возле тканевой сумки, вытащила длинный белый провод. Потом подняла сумку и вернулась.

— Зарядку нашла, — сказала она с порога кухни. — Можно у окна включить?

— Да. Только лампу не вынимай. Второе гнездо свободно.

Аня отодвинула стул и включила зарядку. После выхода на площадку ей не пришлось напоминать о просьбе.

Нина Сергеевна доела и позвала Котова.

Сазонов, выяснилось, показывал ей бумаги и обещал разобраться с ошибкой. Ответив на вопросы о рабочих, Нина Сергеевна указала на кухонный ящик.

— Бумаги там. В синей папке. Вера, достаньте, пожалуйста.

В ящике лежали инструкции к чайнику, квитанции и папка с отломанным уголком. Вера вынула её, положила перед хозяйкой. Та отобрала несколько листов.

— Эти можете смотреть. Остальное моё, не нужно.

На верхнем листе была таблица. Вера нашла номер восемнадцать, повела пальцем по строке и остановилась на слове «присоединено». Под таблицей шла мелкая печать, рядом — подпись. Она подтянула лист к себе, но Нина Сергеевна ещё придерживала его за угол.

— Мне верните потом.

— Я сфотографирую. Можно?

Нина Сергеевна отпустила бумагу.

Вера сняла страницу целиком и вернула её Нине Сергеевне. Котов продиктовал номер, по которому можно будет передать новые сведения, и вышел на площадку звонить.

Аня мыла тарелки, подтянув рукава куртки; снять её она так и не собралась. Галина тронула Веру за локоть.

— Спустись ко мне, разложи бумаги. Я останусь.

Аня повернулась от мойки.

— Я пока здесь побуду.

Вера убрала копию плана в сумку и надела пальто.

— Нина Сергеевна, я этажом ниже. Посмотрю ваши документы и позвоню по поводу работ.

— Вы ему скажите, дверь не поведена. Снимали уже.

— Скажу.

— А то он опять про понедельник начнёт.

Вера вышла. Сергей поднялся с нижнего пролёта.

— Вы уходите? — спросил он.

— На третий этаж. К матери. Разложу бумаги.

— Телефон при себе держите. Если понадобится, позову.

Он пропустил её к лестнице. Котов ещё говорил по телефону у перил.

Из кухни донёсся вопрос Ани:

— Полотенце это можно взять?

— Для рук — которое с грушами. Белое для посуды.

Услышав ответ Нины, Вера пошла вниз.

Глава 3
Подпись и платёж

Пятница

Вера расправила архивную копию на материнском столе. Сгиб проходил через лестничную клетку, но обе квартиры по её сторонам были видны целиком.

Восемнадцатая квартира была на месте. Две комнаты, кухня, узкая прихожая. В ведомости на телефоне стояло: «Присоединено к кв. 17».

Вера позвонила Ане и попросила сфотографировать приложение из синей папки, оставшейся у Нины. Пока Аня искала лист, Нина сказала в трубку:

— Я его Глебу во вторник показывала. Сказала, что неправильно. Он и забрал бы, если бы я дала.

На присланном снимке Вера сначала прочла нижнюю строку: «Обмер выполнил А. В. Зуев». Бюро «Мера», недавняя дата. Выше шёл нечёткий чертёж: ступени лестницы слиплись в чёрную полоску, кое-где двоились стены. На новый обмер он не походил.

Закончив разговор, Вера набрала Сазонова по номеру, который дала мать. Он выслушал про спасателей и свободный

проём.

— У неё дверь повело. Я заявку оставлял.

— Дверь сняли целиком. Она всё равно не вышла.

— Что значит — не вышла?

Вера объяснила. В тишине материнской кухни её собственные слова показались ей ещё нелепее, чем наверху.

— Я вчера заходил, — сказал Сазонов. — Она сама открыла. Всё было нормально.

— Открыть она может. Выйти не может. Приезжайте, посмотрите.

— Я за городом. Попрошу человека, который дверями занимался.

— Она вас с утра ждёт.

Вера остановилась. Сазонов молчал; она услышала, как где-то рядом с ним ровно шуршит вода или ветер.

— В приложении подпись Зуева, — сказала она. — Он вам такой план передал?

— Рабочий материал. Мы с Ниной Сергеевной обсуждали ошибку. Разберёмся.

— Пришлите его письмо с файлом. Я дам адрес.

— Вы от какой организации?

— Я помогаю Беловой. Здесь Котов, от полиции.

— Вот с ним и поговорим. Я не черчу, Вера. Я с жильцами работаю.

Письма Сазонов не прислал. В бюро «Мера» Вера разыскала Антона Зуева и отправила ему фотографию. Он попро-

сил оставить лист у хозяйки и вызвался приехать с обмерами.

В материнском пакете у двери лежал хлеб. Вера взяла его с собой и поднялась к Нине.

Медики уже уехали. Сергей разговаривал на лестнице; Аня освободила кухонный стол от тарелок. Из комнаты вышла Нина, увидела хлеб и сказала:

— Возле плиты положите.

Антон пришёл с плоской папкой и сумкой через плечо. Вера встретила его на площадке: взгляд у него прошёл мимо открытого проёма, пришлось указать на табурет под дверью.

— Вы у меня мерили, — сказала Нина, когда он вошёл в кухню. — Шкаф просили от стены отодвинуть. Потом сами задвинули.

— Шкаф помню.

Он смотрел на неё, и Вера узнала это короткое ожидание: ещё секунда — и лицо должно соединиться с воспоминанием. Не соединилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.